Среди жертв политических репрессий, занесенных в книгу «Память», значится имя Алексея Николаевича Новикова, 1867 года рождения, уроженца и жителя села Большая Елховка. Беспартийного колхозника, имевшего семью. Скорее всего, Новиков был арестован по доносу. 23 августа 1937 года его судили за «антисоветскую пропаганду». Приговор «тройки» при НКВД МАССР был жесток: высшая мера наказания. Очевидцы тех событий вспоминали, что перед расстрелом, когда Новикова увозили, он успел крикнуть кому-то из односельчан: «Меня расстреляют! Сообщи моим». Реабилитирован Алексей Николаевич был лишь в 1989 году, когда прокуратура республики начала пересматривать дела невинно осужденных.

Более подробно о судьбе этого человека, простого крестьянина, нашедшего в себе силы мужественно держаться во время допросов, о чем свидетельствовали составленные следователем протоколы, мы узнали благодаря его правнучке Любови Ивановне Скипальской. Любовь Ивановна работает судьей в Верховном суде республики и второй год занимается сбором документов об истории своего рода, корни которого в Большой Елховке. Подтолкнула к такому решению одна из передач «Жди меня», когда в студии после долгих лет разлуки встретились близкие люди. Вот тогда-то сами собой и всплыли в памяти имена давно ушедших из жизни родственников. Как складывалась их судьба? Жив ли кто-то из их детей и внуков? Ведь это же наша, новиковская, кровь! Так окрепло решение заняться поисками документов, архивных дел. И результаты превзошли все ожидания, но обо всем по порядку.

Прадед Алексей

Чтобы получить доступ к архивному делу прадеда, Любови Ивановне потребовалось доказать свое родство с ним. Так она оказалась в Центральном государственном архиве республики, где с пониманием отнеслись к ее просьбе помочь. И вот первый документ: архивная выписка из метрической книги Пензенской духовной консистории Рождества - Богородицкой церкви села Елховка за 1870 год.

Именно в этой книге была сделана запись о рождении у крестьянина собственника Николая Ивановича Новичькова и его законной жены Феодосьи Егоровны сына Алексея. В графе: «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» (крестных - прим. автора) значилось: «Села Елховка крестьянин собственник Николай Егоров Балмин с девкою села Елховка Наталиею Савельевою Новичьковою». Крестил младенца священник

Павел Остроумов. Так стало известно, что первоначально их фамилия писалась не Новиковы, а Новичьковы. В архивной выписке из той же метрической книги за 1892 год, когда Алексей Николаевич сочетался браком с солдаткой Евдокией Гавриловной Шегуровой, он значится, как Новичков – без мягкого знака. А вот в метрической книге, где была сделана запись о рождении первого сына Григория, с легкой руки писца его «перекрестили» в Новикова. Так с тех пор и пошло. Таинство крещения совершил священник Иоанн Пульхритудов. Крестными младенца стали крестьянин села Елховка Егор Федорович Жирнов и девица Феодосия Михайловна Костина. Но он был уже записан, как Новиков.

21 августа 1896 года у супругов Новиковых родилась дочь Наталия. Через год родился сын Иоанн, а в 1901-м – дочь Пелагия. Впоследствии дочь Пелагии Галина вышла замуж за Ивана Михайловича Косырева, и в девичестве фамилия Любови Ивановны была Косырева. И эта разница в одну букву – не Косарева, а именно Косырева, однажды сыграла довольно злую шутку. Но об этом чуть позже.

По воспоминаниям родственников, к сожалению, они обрывочные, Алексей Николаевич слыл хорошим семьянином и работягой. Вступил в колхоз, получив должность «сторожа огорода» колхоза имени Ленина. Образования не имел, считался неграмотным, но это было не так. Если требовалось поставить подпись, аккуратно и без ошибок выводил буквы. «Науки» осваивал самостоятельно, в чем нимало преуспел. Да, видно, кому-то из завистников перешел дорогу. 6 августа 1937 года за ним пришли. Как явствует из протокола обыска, в доме ничего крамольного не обнаружили, хотя и перевернули все вверх дном. Только восемьдесят рублей нашлось, да еще восемнадцать в кармане у Алексея Николаевича лежало, за которые он и расписался в ведомости, когда деньги изымали.

Свидетелем всего происходящего стал четырехлетний малыш Володя, сын Пелагии, – дядя Любови Ивановны. Несмотря на малый возраст, он пережил такой шок, что потом до конца своих дней не мог забыть все случившееся.

А дальше начался кошмар. Алексея Николаевича увезли. Содержали его под стражей при КПЗ Лямбирского РОМ. Пелагия возила ему передачи, их принимали, но о судьбе арестованного родственникам не говорили. Из архивных документов Любовь Ивановна узнала, что дело Новикова было направлено на рассмотрение «тройке» НКВД МАССР. Обвиняли его в антисоветской пропаганде, террористической агитации, направленной в адрес коммунистов, и в поджоге имущества. Хотя, как значилось в тех же документах, ни в бандах, ни в криминальных организациях и восстаниях он не участвовал, как и в «белом» движении.

Во время допросов Новиков вину свою не признавал, отрицал все, но следователь кричал ему в лицо одно: «Вы все врете!» После чего допрос продолжался. Остается лишь удивляться мужеству этого человека и его стойкости. 22 августа ему вынесли приговор, который был приведен в исполнение в 22 часа 24 минуты 3 сентября 1937 года. Даже минуты учитывались! Что творилось в душе Алексея Николаевича, когда он шел на расстрел, только Богу известно. До капли испил чашу мученика…

Надо сказать, в селе Новикова уважали, и отношение к его семье не изменилось. Никто не бросал им презрительно: «Враги народа!» Наоборот, люди отнеслись с сочувствием, украдкой, шепотом переговариваясь: «А ведь Алексея ни за что осудили!» Громко, в слух такое, конечно, никто не осмелился бы высказать…

Дядя Федор

Удалось Любови Ивановне найти и сведения о ее родном дяде Федоре, который до мобилизации на фронт жил в Москве. Родственники получили известие, что он пропал без вести. С этим смирились, и никому в голову не приходило усомниться, так ли это. Мать Федора, бабушка Скипальской, дожила до девяноста лет, получая крошечную пенсию и не подозревая, что она, как мать героя-фронтовика, имеет право на льготы. И лишь разговор с директором республиканского музея боевой и трудовой славы Николаем Андреевичем Кручинкиным расставил все точки над «и». Сколько раз сама Любовь Ивановна, ее родственники проходили мимо Вечного огня и стелы, на которой выбиты имена погибших в годы Великой Отечественной, не счесть. Но никто из них не подозревал, что там золотыми буквами выбито и имя Федора. Правда, значился он не Косырев, а Косарев. Всего одна буква! Никуда не пропадал их родственник. Боевой путь его оборвался в деревушке Вече Псковской области, где Федор и был похоронен вместе с другими бойцами в братской могиле.

Узнав об этом, Любовь Ивановна во время отпуска поехала на Псковщину. Нашла братскую могилу, положила на нее горсть земли, что взяла с могилы матери Федора. И больно была на душе от мысли: «Ну, почему всем этим не занялась раньше, когда были живы бабушка, отец? Ведь они так и не узнали о судьбе сына и брата»…

Сейчас Любовь Ивановна занята поисками семьи Федора. Может, они живы, может, у нее еще есть племянники или внуки?

- Мне ничего от них не надо, - говорит она. – Просто хочется узнать о судьбе, ведь это тоже ветвь от нашего корня. Где они, как сложилась их жизнь? С возрастом начинаешь по-иному смотреть на разные вещи, появляются иные приоритеты, и в полной мере осознаешь, насколько важно, чтобы люди поддерживали родственные связи, не теряли друг друга. Знали историю своего рода.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.